

DOI: 10.31862/0130-3414-2023-4-9-24

УДК: 821.161.1

С.М. ШаврыгинМосковский финансово-промышленный университет «Синергия»,
129090 г. Москва, Российская Федерация

«Жили-были два генерала...»: тема «необитаемого острова» в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина 1860-х годов

Аннотация. В статье рассматривается появление и развитие в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина 1860-х гг. темы жизни чиновников на необитаемом острове на примере рассказа «Старый кот на покое» из цикла «Помпадуры и помпадурши» и «Повести о том, как один мужик двух генералов прокормил», отражающей возникновение новых общественных явлений, необходимость пробуждения от «спячки» губернского административного аппарата. Главная цель писателя состоит в раскрытии никчемной сущности губернской бюрократии, ее органической неспособности к каким-либо изменениям и улучшениям общественной жизни. В рассказах этого периода складывается система концептуальных образов-мотивов, отражающих бессмысленность служебного рвения администраторов и обнаруживающих внутреннюю пустоту этих персонажей. Концептосфера произведений подготавливает появление ярких и необычных средств художественной выразительности, характерных для поэтики гротеска конца 1860-х гг. С этой же целью писатель использует в качестве сюжетно-жанровой основы ситуацию, восходящую к переосмысленной в трагическом ключе традиции повествований-«робинзонад». В первых рассказах тема необитаемого острова раскрывается в аллегорическом духе, показывая ложность и лживость внешних усилий чиновников в попытках изменить жизнь общества к лучшему. В дальнейшем тема приобретает фантастические, гротескные черты и определяет принадлежность этих произведений к авантурным новеллистическим жанрам, ядром которых становится трагикомедия абсурда из жизни российской бюрократии, раскрывающая главным образом утрату сначала верхушкой общества, а затем и всем обществом таких качеств, как «разумность» и «совестливость». В рассказах конца 1860-х гг. художественное раскрытие темы приобретает межжанровый характер, синтезируя черты повести, сказки, притчи,

басни, и осложняется введением сюжетных библейских мотивов, которые также дополняют и усложняют жанровую природу произведения, привносят черты универсальности, становятся формой выражения концептуальных идей писателя.

Ключевые слова: М.Е. Салтыков-Щедрин, повесть-сказка, трагикомедия абсурда, сюжетная ситуация робинзонады, аллегорические образы-концепты, тема «необитаемого острова» в литературе XIX в., структурные признаки сказочного жанра

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Шаврыгин С.М. «Жили-были два генерала...»: тема «необитаемого острова» в произведениях М.Е. Салтыкова-Щедрина 1860-х годов // Литература в школе. 2023. № 4. С. 9–24. DOI: 10.31862/0130-3414-2023-4-9-24

DOI: 10.31862/0130-3414-2023-4-9-24

S.M. Shavrygin

Moscow University for Industry and Finance “Synergy”,
Moscow, 129090, Russian Federation

“There lived two generals...”: The theme of the “an uninhabited island” in the works by M.E. Saltykov-Shchedrin of the 1860s

Abstract. The article examines the appearance and development in the work of M.E. Saltykov-Shchedrin of the 1860s of the theme of the life of officials on an uninhabited island on the example of the story “The Old Cat at rest” from the cycle “Pompadours and Pompadouresses” and “The Story of How a Muzhik Fed Two Generals”, reflecting the emergence of new social phenomena, the need to awaken the provincial administrative apparatus from the “hibernation”. The main goal of the writer is to reveal the worthless essence of the provincial bureaucracy, its organic inability to make any changes and improvements in public life. In the stories of this period, a system of conceptual images-motives develops, reflecting the meaninglessness of the administrators’ zeal and revealing the inner emptiness of these characters. The conceptual sphere of these works prepares the appearance of bright and unusual means of artistic expression, characteristic of the poetics of the grotesque of the late 1860s. For the same purpose, the writer uses as a plot-genre basis a situation that goes back to the tradition of narratives reinterpreted in a travesty key – “Robinsonade”. In the first stories, the theme of an uninhabited island is revealed in an allegorical spirit, showing the falsity and deceitfulness of the external efforts of officials in their attempts to change the life of society for the better. Further on, the theme acquires fantastic, grotesque

features and determines these works as belonging to adventurous short-story genres, the core of which is the tragicomedy of absurdity from the life of the Russian bureaucracy, revealing mainly the loss first by the top of society, and then by the whole society of such qualities as “reasonableness” and “conscientiousness”. In the stories of the late 1860s, the artistic disclosure of the theme acquires an inter-genre character, synthesizing the features of the story, fairy tales, parables, fables, and is complicated by the introduction of plot biblical motifs, which also complement and complicate the genre nature of the work, bring features of universality, become a form of expression of the conceptual ideas of the writer.

Key words: M.E. Saltykov-Shchedrin, a fairy-tale novel, tragicomedy of absurdity, a narrative situation of Robinsonade, allegorical images-concepts, a theme of “an uninhabited island” in the 19th century literature, structural features of the fairytale genre.

CITATION: Shavrygin S.M. “There lived two generals...”: The theme of the “an uninhabited island” in the works by M.E. Saltykov-Shchedrin of the 1860s. *Literature at School*. 2023. No. 4. Pp. 9–24. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2023-4-9-24

В 1857–1863 гг. после «Губернских очерков» М.Е. Салтыков (Н. Щедрин) частично осуществляет несколько замыслов, в их числе циклы «об умирающих» и «о глуповцах». В рассказах «об умирающих» формируется новая сюжетная ситуация, отражающая понимание автором общественных явлений пореформенной эпохи: начавшееся движение социальных слоев, изменение психологии, социальной позиции, идеологии бюрократических верхов губернского общества. Особенно ярко новая сюжетная ситуация обозначается в рассказе «Зубатов» (1859) из цикла «об умирающих», посвященном неожиданному пробуждению от «спячки» «его превосходительства» генерала Зубатова, «образ которого, проходя через ряд рассказов, перерастает в символ всей государственной администрации царизма» [11, т. 3, с. 551]. Генерал становится символом административной бюрократии, вынужденной под влиянием пореформенных изменений

в обществе пересмотреть устоявшуюся «скифскую» привычку сечь подчиненных и добиваться, «чтоб чиновник смотрел у него весело, не рассуждал и тем менее противоречил, не сомневался, не провидел и на ногу был легок» [Там же, с. 16]. Прошло время чиновнику «жить спокойно», надо было «заняться делом», приняться за «усовершенствования»: учреждать биржу, строить фабрики и заводы, развивать торговлю и «железные дороги», повышать грамотность, а вместе с нею и нравственность – и все это в «непродолжительное время». «Пробудившийся» генерал заканчивает свою бурно начавшуюся деятельность сумасшествием: «С этим словом она отворила дверь в кабинет Семёна Семёныча, и странное зрелище представилось глазам нашим. Семён Семёныч сидел за письменным столом и чертил на бумаге чудовищный паровоз; волосы его были растрепаны, в глазах блуждал дикий огонь. Я тотчас же понял ужасную истину:

нет сомнения... генерал лишился рас-судка!» [11, т. 3, с. 26].

В этих рассказах постепенно скла-дывается система концептуальных образов-мотивов, связанных с изоб-ражением бессмысленного слу-жебного рвення администраторов и развитых в последующих произ-ведениях 1860-х гг. («Помпадурсы и помпадурши», «История одного города», «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил», «Дикий помещик»): головы, не при-выкшей думать; океана, безгранично-го водного пространства, по которому бездумно плывет административный аппарат; глаз, сверкающих гневом; градоначальника, сидящего за столом и бессмысленно чертящего фигуры; растрепанных волос и блуждающего дикого огня в глазах чиновника, теря-ющего человеческий облик, и т.д.

Сам генерал Зубатов успел только замыслить преобразования и не при-нес много вреда, однако его после-дователи: «помпадурсы и помпадур-ши», градоначальники города Глупова и их фаворитки – доводят мир, в кото-ром они разворачивают глупую, бур-ную, дикую деятельность, до окон-чательного разрушения и гибели, а себя – до самоуничтожения.

В чем же причина таких трагико-мических событий и их последствий? Задаваясь этим вопросом, Салты-ков-Щедрин «выворачивает наизнан-ку» своих героев, пытаясь добраться до их административного и человече-ского нутра и понять причины необу-зданного служебного рвення. В этом помогает ему использование новой для него темы «необитаемого остро-ва», на котором неожиданно оказыва-ются жившие спокойной, беззаботной

жизнью чиновники, и сформирован-ной на ее основе сюжетной ситуации.

Тематическая ситуация «...еже-ли бы я жил на необитаемом острове и имел собеседником лишь правите-ля канцелярии?» впервые возникает в творческом сознании М.Е. Салты-кова-Щедрина в середине 1860-х гг., а словесное оформление получа-ет в 1867–1868 гг., в рассказе «Ста-рый кот на покое», опубликованном в журнале «Отечественные записки» в феврале 1868 г. и вошедшем впо-следствии в сатирический цикл «Пом-падурсы и помпадурши». Возникает она как заглавие одного «из сочине-ний философического содержания» отставного помпадурсы-губернато-ра [Там же, т. 8, с. 33]. В дальнейшем эта тема, трансформируясь и приоб-ретая обновленное структурно-се-мантическое наполнение, появляет-ся в «Повести о том, как один мужик двух генералов прокормил», в отдель-ных рассказах «Истории одного горо-да», а затем встраивается одним из основных художественных дискур-сов в общее содержание творчества писателя 1860-х гг.

С точки зрения нарративности, Салтыкову-Щедрину, вероятно, было важно и удобно, что тема уже содер-жала готовую сюжетную ситуацию, травестирующую событийную основу романа Д. Дефо «Жизнь и приклю-чения Робинзона Круза, природного англичанина» (в переводе Я. Трусо-ва, издавался в 1762–1811 гг.). При всей сложности художественной при-роды этого образа в эпоху Просвеще-ния герой романа, Робинзон Крузо, воспринимался как образец человека, который, находясь на необитаемом острове, в чужом мире, благодаря

разуму сохранил силу духа, нравственности, а благодаря собственному прилежанию и трудолюбию покорил дикую природу и дикаря сделал цивилизованным человеком. Идеи просветительской философии наполняют роман, создают образ мира, наполненный оптимизмом и верой в будущее [5]. К середине XIX в. герой романа уже превратился в миф, а состав и последовательность сюжетных событий дали начало жанру «робинзонады».

Скорее всего, именно так воспринимал роман сам Салтыков-Щедрин, но ему было необходимо «перелицевать» сюжет, уже превратившийся в литературный архетип, создать путем травестирования и пародирования трагикомедию абсурда. Типическую ситуацию из жизни российского администратора («...тут же, у нас под боком, увядает существо, которое тоже (и как недавно!) испускало из себя всевозможные мероприятия и тоже было предметом всякого рода сердценесений, упований, переходящих в уверенность, и уверенностей, покоящихся на упованиях» [11, т. 8, с. 24]; «Служили генералы всю жизнь в какой-то регистратуре; там родились, воспитались и состарились... Оставшись за штатом, поселились они в Петербурге, в Подъяческой улице, на разных квартирах; имели каждый свою кухарку и получали пенсию» [Там же, т. 16, кн. 1, с. 7]) надо было превратить в такую сюжетно-нарративную структуру, которая обнажила бы истинную сущность представителя власти и показала ярко, выпукло, но наивно и просто, как этот чиновник сам оказывается «дикарем»,

едва только выпадает из привычной среды и обнаруживает вокруг себя мир совсем не таким, каким он представлялся до этого «странного», похожего на сновидение события. Ядром сюжетной структуры и в свою очередь этого нового жанра должен был стать нравственный портрет чиновника высокого ранга, еще не утратившего «инстинкта плотоядности» [Там же, т. 8, с. 27], воспитанного в среде, где «не человеческие лица, а рыла-с... кружатся... рвут друг друга, скалят зубы-с» [Там же, с. 25].

Для этого Салтыков-Щедрин как правило использует прием «понижения в рангах». «Своеобразным видоизменением приема “понижения в рангах” является нередко встречающееся в сатире Щедрина изображение сановных администраторов в *отставке*» (выделено автором. – С.Ш.) [1, с. 246–247]. Этим сатирик обеспечивал себе безопасность нападения на высокие чины и, кроме того, позволял себе более резкое и смелое сатирическое изображение представителей административного аппарата, при этом часто заставляя их говорить или записывать «оппозиционные» рассуждения, как в цикле «Помпадурсы и помпадурши».

В сюжете рассказа «Старый кот на покое» тема пребывания на «необитаемом острове» раскрывается в травестийно-аллегорическом духе в эпизодах вынужденного затворничества отставного губернатора в своем «благоприобретенном селе Обиралове», в котором он уединяется, как на необитаемом острове, со своей верной супругой Анной Ивановной (Пятницей), обеспечивающей его быт.

Основными занятиями бывшего администратора становятся вкушение пищи, которую ему не надо добывать как Робинзону (в этих описаниях Салтыков-Щедрин использует характерные для его поэтики концепты-образы «румяные булки», «сбитое сливочное масло» как метафорическую характеристику внутренней сущности администратора), писание мемуаров и каждодневные беседы с бывшим правителем канцелярии Павлом Трофимычем Кошельковым.

Из мемуаров и философических записок бывшего губернатора выясняется, что он сам (не чета Робинзону, пребывавшему в ежеминутных трудах) ничего не делал и был сторонником неизменности привычных порядков, врагом всяческого рода малейших преобразований жизни и быта губернии. Самыми заметными его деяниями на посту губернатора были работоспособно-угодливая беседа с князем после внезапного чудесного назначения помпадуром, фантастическая и абсолютно бесполезная охота на огромного зловредного червя-солитера и... словесная перепалка с председателем, неосторожно сказавшим в публичном месте, что помпадур должен всегда ходить в колпаке. Выстраивая нравственный облик персонажа, разоблачая его негативную органическую природу, Салтыков-Щедрин создает аллегорические образы-концепты, в которых актуализируется внутренняя форма: фортуна (удача, счастливый случай), червяк-солитер (жалкое, ничтожное существо, паразит), колпак (недалекий, простодушный человек) – концентрирующая оценочный смысл, обращенный на самого автора мемуаров.

В беседах с отставным правителем канцелярии, конечно же, главное место занимают сплетни о новом губернаторе. Павел Трофимыч – «это гость всегда дорогой и всегда желанный: от него узнаются все городские новости, и, что всего важнее, он же, изо дня в день, поведывает почтенному старцу трогательную повесть подвигов и деяний того, кто хотя и заменил незаменимого, но не мог заставить его забыть» [11, т. 8, с. 27]. Голову бывшего администратора вместо цивилизационных идей, веры в человеческий разум и светлое будущее занимают административные сплетни, обсуждение несовместимых с чиновничьим отношением к жизни, ничтожных, но почти гротескно возводимых в ранг фундаментально исторических поступков, таких как смешение либерализма с сокращением переписки, мощение базарной площади как роковое и трагическое событие, переустройство губернаторского дома как безрассудное предприятие.

Финальные эпизоды сюжета знакомят читателя с неожиданным возвращением старого губернатора в город в связи с возобновлением новым губернатором прежних методов правления «мерами строгости» и противодействия проведению разных «катастроф» (реформ), «в особенности же спасительно в этом отношении повлияли действия “нового” по взысканию недоимок» [Там же, с. 34]. Угасающий «административный светоч» пожелал «укрепить и наставить» нового губернатора, «чтобы быть твердым и не взирать» [Там же, с. 39], и, убедившись, что все идет по-прежнему, что «дело» в надежных руках, отставной губернатор скончался.

Мы видим, что аллегорические концепты постепенно, уже в помпадурском цикле переходят в гротескную форму, а в последующий период творчества быстро приобретают сказочные, фантастические черты, и тема пребывания отставного администратора на необитаемом острове приобретает новое содержание и более яркое и нравственно-философское осмысление.

В 1869 г., буквально через год после написания и публикации рассказа «Старый кот на покое», на первом этапе создания сказочного цикла, Салтыков-Щедрин пишет «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил», опубликованную в февральском номере журнала «Отечественные записки», в которой также использует тему «необитаемого острова», но уже в трансформированном, гротескно-заостренном виде. Это уже открыто обличительное произведение, близкое по своей поэтической структуре, стилю и духу «Истории одного города» и создававшееся параллельно рассказам об обитателях города Глупова.

Если в цикле о «помпадурах» Щедрин обличал нравы и обычаи высшего административного аппарата, то и «История одного города», и «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил» переходят на более высокий уровень художественного и социально-философского обобщения, становятся формой выражения концептуальных идей о социальных и нравственных явлениях всей общественной жизни, «которые делают ее не вполне удобною» [11, т. 8, с. 452], как писал Салтыков-Щедрин в редакцию «Вест-

ника Европы», и добавлял в письме А.Н. Пыпину: «Я совсем не историю предаю осмеянию, а известный порядок вещей» [Там же, с. 457]. Историческое содержание, безусловно, в определенной степени присутствует и в повести о генералах, потому что она фактически основана на явлении, недавно ушедшем в прошлое. «Служили генералы в какой-то регистратуре», – читаем мы в тексте, а в рукописи четко было указано последнее место службы отставных генералов: Инспекторский департамент, не так давно упраздненный в Военном министерстве [Там же, т. 16, кн. 1, с. 448].

С «Историей одного города» это произведение роднит и единая эстетическая установка на использование литературного фантастического гротеска: фабульно-сюжетная динамика, персонажи, их поступки гротескно фантастичны и двойственны, позиция автора и повествователя подчеркнута гротескно травестийна, как и в «глуповских» рассказах. Генералы своими привычками, нравственными чертами, поступками и отношением к миру напоминают глуповских градоначальников, а мужик своим безропотным послушанием и готовностью удовольствоваться ничтожно малым – глуповцев, которые, по определению Щедрина, «беспрекословно подчиняются капризам истории и не представляют никаких данных, по которым можно было бы судить о степени их зрелости, в смысле самоуправления; что, напротив того, они мечутся из стороны в сторону, без всякого плана, как бы гонимые безотчетным страхом. Никто не станет отрицать, что это картина не лестная,

но иною она не может и быть, потому что материалом для нее служит человек, которому с изумительным постоянством долбят голову и который, разумеется, не может прийти к другому результату, кроме ошеломления» [11, т. 8, с. 371].

Но прежде всего два произведения сближаются единой точкой зрения Салтыкова-Щедрина на проблемы глубинной сути русской жизни: ее скрытой, а иногда и явной абсурдности, связанной главным образом с утратой обществом таких качеств, как «разумность» и «совестливость».

Но если «История одного города» писалась для взрослого читателя и отличается сложностью замысла и его воплощении в сюжетно-жанровой структуре, то «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил» была первым звеном в нереализованном замысле совместного с Некрасовым цикла «Для детей» [Там же, т. 16, кн. 1, с. 447], поэтому ее стиль отличается от усложненного стиля истории города Глупова. Он простой, яркий, ясный, фарсово-комический, близкий народно-анекдотическому или лубочному стилю, благодаря чему «читатели становятся живыми свидетелями фантастического, сказочного “эксперимента”, который предложен сатириком» [6, с. 142–143].

Архетипическая фабульная основа повести представляет собой последовательное трехфазовое развитие: прелиминарная фаза, отделение от привычного мира (жизнь генералов в Петербурге); лиминарная (*liminaire* – пороговый) фаза, переходное состояние (жизнь на «необитаемом острове»); постлиминарная фаза (включение в новый, для гене-

ралов старый мир) [3, с. 24]. Порогом между петербургским миром генералов и «сакральным» миром острова становится особое состояние сознания генералов, которое они трактуют как сновидение.

Прелиминарная фаза петербургской жизни генералов представляет собой экспозицию сюжета, в ней формируется определенная коллизия: «Служили генералы всю жизнь в какой-то регистратуре <...> следовательно, *ничего не понимали*. <...> Упразднили регистратуру за ненужностью и выпустили генералов *на волю*» (выделено нами. – С.Ш.). Абсолютная, девственная неподготовленность генералов к самостоятельной жизни трактуется как результат не их субъективного выбора, а как неотъемлемое свойство всей системы, изначальной заданности существования того социального слоя, к которому они принадлежат.

Постлиминарная фаза возвращения в Петербург («Сколько набрались страху генералы во время пути от бурь да от ветров разных...») [11, т. 16, кн. 1, с. 13] представляет собой «преобразование исходной ситуации, происходящее в тех или иных формах», а ее содержание, «ее идея раскрываются в *прямом соотношении развязки с исходным положением действия*» (выделено нами. – С.Ш.) [4, с. 243]. Результатом перехода генералов в сакральный мир и обратно стало чисто внешнее изменение их жизни («Поехали они в казначейство, и сколько тут денег загребли – того ни в сказке сказать, ни пером описать!» [11, т. 16, кн. 1, с. 13]. Внутренний их мир никак не изменился, лучше и добрее они не стали

«Однако, и об мужике не забыли; выслали ему рюмку водки да пятак серебра: веселись, мужичина!» [11, т. 16, кн. 1, с. 13]). Писателю важно было подчеркнуть непоправимую черствость, внутреннюю «непреклонность» главных персонажей, поэтому он добавил в текст последние слова, включая произведение в состав сборника «Сказки и рассказы» (1878).

Поскольку «соответствующая исходная точка будет сосредоточена в той ситуации, откуда должен развернуться этот конфликт» [2, с. 340], основная исходная сюжетная ситуация «повести» и, соответственно, основные сюжетные события сосредоточены в средней, лиминарной (пороговой) фазе. Переходная фаза в этом произведении растягнута и представляет собой самостоятельный этап, структурированный из нескольких эпизодов, имеющих литературный прототип.

Основная ситуация «Повести о том, как один мужик двух генералов прокормил» (обнаружение генералами себя на необитаемом острове) повторяется дважды и имеет авантурный характер, ибо изменения вторгаются в размеренную жизнь генералов так внезапно и неожиданно, что больше похожи на сновидение, а не на «печальную действительность». Первый раз: «Жили да были два генерала, и так как оба были легкомысленны, то в скором времени, по щучьему велению, по моему хотению, очутились на необитаемом острове». Второй: «Только вдруг очутились на необитаемом острове...» [11, т. 16, кн. 1, с. 7].

Сюжетный «мотив попадания на необитаемый остров», как показал А.М. Ранчин [10], вводит в эту

«повесть» традицию повествований-робинзонад, ставших популярными в европейской и русской литературе после появления романа Д. Дефо. При этом Салтыков-Щедрин не копирует, не повторяет и не развивает концептуальные идеи Дефо, а использует по-своему, решая собственные эстетические и концептуальные задачи, поэтому русский писатель травестирует структурно-семантический комплекс робинзонады, что становится заметным уже в исходной ситуации. Если Робинзон с детства мечтал о морских путешествиях и скитаниях, то генералы даже не подозревали о существовании такой стихии и вели жизнь сродни, скорее, жизни отца Робинзона, королевского судебного чиновника.

Повторение исходной ситуации необходимо для усиления впечатления резкого неожиданного поворота в судьбе генералов, а также для многократного усиления контраста между их прежней жизнью и новой действительностью, в которой они оказались. Между этим повторением ретроспективно расположен эпизод предшествующей жизни генералов, формирующий коллизию: в том мире, где они провели всю свою жизнь, ничего не надо было понимать, кроме нескольких этикетных слов и начальных знаний каллиграфии. И ничего не надо было делать, кроме как получать ордена, а потом пенсию. Жили-были они в своем мире и никакого другого существования не знали. Судьба же и фантазия автора переносят их на «необитаемый остров», то есть в такой мир, где все наоборот: чтобы жить, надо что-то уметь делать, – отсюда и зачатки

конфликта, чуть было не переросшего в смертоубийство. Конфликт двух миров, двух типов сознания, двух противоположных состояний «умственного взора» (сновидение и действительность) определяет попытку сатирика уйти с поверхности жизни, увидеть правду «в тех слоях пучины, которые следуют непосредственно за верхним слоем и далее, до самого дна...» [11, т. 8, с. 370]. Задача «обнажения» истинной сущности генералов-администраторов подчеркнута и их внешним видом: «Стали они друг друга рассматривать и увидели, что они в ночных рубашках...» [Там же, т. 16, кн. 1, с. 8]. Гротескно-аллегорическое уподобление внешней наготы и духовной пустоты необходимо писателю для понимания того, что пустота и является внутренним источником жизнедеятельности и служебной активности чиновников. В этой комичности кроется трагедия действительности, неспособной противостоять пустоте, призрачности, из которой извергается, как это показал Салтыков-Щедрин дальше, в «Истории одного города», катастрофически разрушительная энергия «преобразований» (вспомним деятельность Органчика-Брудастого, Фердыщенко, Бородавкина и, конечно, Угрюм-Бурчеева).

Дальше событийная последовательность в повести организована так, чтобы созданная автором параллель с романом Д. Дефо не прерывалась. Первым делом Робинзон отправляется на корабль, чтобы добыть вещи, необходимые для начала жизни на необитаемом острове. Наши генералы неспособны даже понять, в какую сторону им идти, где

восток и где запад. Затем Робинзон видит природные богатства острова и добывает себе первые трофеи: козу и козленка. Затем удит рыбу, ловит и жарит черепаху. Генералы, видя плоды на деревьях, рыбу, кишашую в ручье, рябчиков, тетеревов, зайцев в лесу, не знают даже, как к ним подступиться. «Стало быть, если, например, кто хочет куропатку съесть, то должен сначала ее изловить, убить, ощипать, изжарить... Только как все это сделать?» [Там же, с. 9]. Робинзон встречает Пятницу, обучает его достижениям западной цивилизации и строит с ним лодку, чтобы Пятница мог вернуться на свою родину. Генералы же встречают мужичину и делают только то, на что способны: заставляют мужика добывать для них еду, работать на себя, выстроить корабль-посудину, чтобы он вернул их домой, на Подьяческую.

Таким образом, основная сюжетная ситуация «Повести о том, как один мужик двух генералов прокормил» формирует жанровую ситуацию, характерную для авантюрной новеллы робинзонадного типа, только в трагестированном, «перевернутом» виде. Поэтому неудивительно, что Салтыков-Щедрин в авторском примечании к первой публикации трех сказок в 1869 г. определяет жанр своих произведений как «прозаические рассказы», кроме того, «в 1878 г. они были включены Салтыковым в сборник “Сказки и рассказы”, а позднее – в 1881 и 1883 гг. – перепечатаны в составе “Сборника”, но в изданную в 1886 г. книгу “23 сказки” эти произведения не вошли» [12, с. 227–228]. Характерно, что в заглавие истории о двух генералах Щедрин ввел

жанровое обозначение «повесть». Такая последовательность свидетельствует о тонкой и точной жанровой интуиции писателя.

Сюжет о двух генералах – это повесть о жизни и судьбе: «Служили генералы всю жизнь в какой-то регистратуре; там *родились, воспитались и состарились...*» (выделено нами. – С.Ш.) [11, т. 16, кн. 1, с. 7]. Их бытие не требовало какого-либо понимания действительности («ничего не понимали»), никакого знания («даже слов никаких не знали, кроме: “Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности”»). Жизнь как сновидение, но такое привычное, что пробуждение в виде пребывания на необитаемом острове оказывается для генералов непереносимым бременем и порождает только желание поскорее вернуться в прежний анабиоз. Не случайно настоящая субстанция жизни кажется генералам страшным сном, ибо все перевернуто в их сознании. Перед настоящим испытанием живой земной жизнью генералы оказываются бессильны.

Однако сюжетный мотив испытания вводит в структуру повести и сказочное начало. «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил» в строгом смысле собственно сказкой не является, хотя отчасти некоторые эпизоды (поиски генералами на острове сторон света; удивление тому, что человеческая пища в первоначальном виде летает, плавает, на деревьях растет; убеждение, что булки в том виде рождаются, как их утром к кофе подают) напоминают некоторые переосмысленные и пересочиненные писателем мотивы народных анекдотических ска-

зок о дураках («Пытаются доить кур»; «Хотят поймать белку»; «Варят кашу в кошеле: каша и кошель сгорают»; «Жарят грибы на берестяной сковородке»; «Зажигают солому, чтобы растопить озеро и добыть много рыбы» и др.) [14, с. 275, 277–278]. О знакомстве Салтыкова-Щедрина с этим видом народного творчества отчасти свидетельствуют некоторые пассажи автокомментария к «Истории одного города» в письме в редакцию журнала «Вестник Европы»: «Что глуповцы никогда не наедались до отвалу – это верно; но это точно так же верно, как и то, что рязанцы, например, *никогда мешком солнца не ловили*» (выделено нами. – С.Ш.) [11, т. 8, с. 454; о знании писателем русского фольклора см.: 7].

Сказочный колорит придают повести и такие черты, как использование сказочных зачинов («Жили да были два генерала, и так как оба были легкомысленны, то в скором времени, по щучьему велению, по моему хотению, очутились на необитаемом острове»), характеристика «необитаемого острова» как иного волшебного первозданного мира: «Пришел генерал к ручью, видит: рыба там, словно в садке на Фонтанке, так и кишит, и кишит... Зашел генерал в лес – а там рябчики свищут, тетерева токуют, зайцы бегают» [11, т. 16, кн. 1, с. 8]. Находится и сказочный волшебный помощник – «громчайший мужичина», который и спасает генералов, возвращает их в привычный мир.

Но основным структурным признаком сказочного жанра в повести 1869 г. является исходная ситуация неожиданного нарушения благополучного жизненного уклада генералов. В.Я. Пропп писал: «Сказка дальше

дает внезапное (но все же известным образом подготовленное) наступление беды. В связи с этим начальная ситуация дает описание особого, иногда подчеркнутого благополучия... Это благополучие, конечно, служит контрастным фоном для последующей беды» [8, с. 26–27]. Восстановлению первоначального благополучия, исходной, нормальной с точки зрения генералов, ситуации и посвящен сюжет произведения. Генералы спасаются и выживают с помощью «волшебного» помощника, мужика. Сами по себе генералы-чиновники – пустота, ничто, но при всей своей бесполезности они выживают в самых неподходящих для них условиях, поэтому любая их деятельность оборачивается «катастрофой». Безвредны они только, когда бездеятельны.

Одновременно основная сюжетная ситуация повести-сказки благодаря некоторым реминисценциям сориентирована автором на архетипические сюжетные мотивы, приносящие свой мифологический семантический потенциал. «Мифологизирующая поэтика повторений связана в сказках Щедрина с горизонтальным пространством. Разрывы его и выходы в “вертикаль” приобретают в художественном мире сказок высокую степень значимости и маркируют исключительные, уникальные моменты торжества индивидуально-личностного начала. Выходы в вертикаль и разрывы горизонтального пространства намечают параметры модели художественного мира сказок, своего рода “космоса” Щедрина» [о параметрах мифологизирующего сознания Салтыкова-Щедрина см.: 13, с. 106]. Глубинное соотносе-

ние современной жизни с мифологическими образами – это константа поэтики Щедрина, этот прием придает сказкам писателя метафизический, философский, обобщающий характер. Писатель не просто наблюдает, списывая события с природы, он анализирует их, отделяя главное от второстепенного, сущностное от наносного, текущее от вечного. Замысел писателя порождает необходимость использования библейских образов и сюжетных мотивов, выполняющих особую художественную роль, формирующих в виде концептов собственный смысловой слой сказок, прямо соотнося злободневные сюжеты с драматической историей человека со дня его сотворения.

Первым формируется концепт потопа. Сюжетная ситуация робинзонады в повести преобразуется в мифологическую, основой которой оказывается картина всемирного потопа, характерная для структуры многих произведений Салтыкова-Щедрина, но наиболее явно и полно реализующаяся в повести о двух генералах: «Перед ними с одной стороны расстилалось море, с другой стороны лежал небольшой клочок земли, за которым стлалось все то же безграничное море» [11, т. 16, кн. 1, с. 7]. Рассказ о потопе прямо вводится в повесть о генералах. «– Стало быть, и потоп был? – И потоп был, потому что, в противном случае, как же было бы объяснить существование допотопных зверей? Тем более, что в “Московских ведомостях” повествуют...» – «рассуждают» генералы, оказавшись на необитаемом острове [Там же, с. 12]. Это уже не просто робинзонада: весь тот мир, в котором

жили генералы, оказался погребенным под толщей воды, и от него остались лишь обрывки, осколки, остатки, на которые то и дело натыкаются персонажи. Они то обнаружат, что на шеях у них висит по ордену, то вспомнят, что умеют только писать доклады, а один из генералов «служил еще в школе военных кантонистов учителем каллиграфии», то найдут номер «Московских ведомостей», то вспомнят Фонтанку и Подьяческую, то обрывки прежнего мира возникнут при чтении заметок в «Ведомостях». Сюжет повести-сказки структурирован на основе травестирования не только библейских, но и близких к ним архаичных моделях эпоса о богах, принявших решение на совете уничтожить с помощью потопа «семья человечества», весь человеческий род.

Салтыков-Щедрин использует еще один библейский образ, вводя эпизод разговора генералов о Вавилонском столпотворении: «– А как вы думаете, ваше превосходительство, в самом ли деле было вавилонское столпотворение, или это только так, одно иносказание? – говорит, бывало, один генерал другому, позавтракавши. – Думаю, ваше превосходительство, что было в самом деле, потому что иначе как же объяснить, что на свете существуют разные языки!» [11, т. 16, кн. 1, с. 12].

Концепт Вавилонского столпотворения (неразбериха при большом стечении народа) усиливает впечатление хаоса, беспорядка, неразберихи, в которые погрузилась жизнь генералов. Концепт вводит мотив нарушения естественного порядка вещей. Наивные генералы понимают ситуацию разрушения Вавилонской

башни буквально, только как появление на земле множества языков, то есть народов, не догадываясь, что на самом деле речь идет о разрушении единства: их прежней жизни, человеческой общности, целостности бытия, без чего нет счастья и общей этической основы существования. Выламывая героев из привычной для них среды, сталкивая их напрямую в неестественной ситуации, Салтыков-Щедрин показывает неестественность самой русской действительности, абсурд, определяющий законы и стереотипы общественной жизни.

Еще один важный библейский концептуальный образ повести – Эдем, райский сад. Необитаемый остров представляется генералам едва ли не раем, первозданным миром со всеми его нетронутыми богатствами, с которыми генералы не знают, что делать: «Пошел один генерал направо и видит – растут деревья, а на деревьях всякие плоды. Хочет генерал достать хоть одно яблоко, да все так высоко висят, что надобно лезть» [Там же, с. 8]. Концепт райского сада вызывает в памяти читателя библейскую историю о поселении первых людей в раю, а главное, изгнании их на землю в наказание за то, что первые люди вкусили плоды с древа познания добра и зла: «И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке; и поместил там человека, которого создал. И взял Господь Бог человека, и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его» [Бытие, гл. 2, ст. 8–9]. «И выслал его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят. И изгнал Адама...» [Там же, гл. 3, ст. 23–24].

Использованные в повести концепты связаны друг с другом семантикой нарушения запретов, влекущего за собой греховное растление нравов, появление и торжество зла и неизбежности наказания. Главный этический мотив этих произведений – потеря совести, неминуемо влекущая за собой расплату в виде потопа или страшного суда – определяет и их форму, ту сюжетную основу, о которой шла речь, и определяет угол зрения на сказки Салтыкова-Щедрина. Задачей литературы должна стать оценка жизненных фактов с точки зрения совести: «Жизнь утратила прежнюю простоту и однообразие и переполнилась явлениями столь трудными, сложными и новыми, что разложение и определение их возможно не иначе, как при посредстве совести и ее суда. Вторжение совести в писательское ремесло представляет такой существенный шаг, который совершенно изменил характер литературной деятельности. Писательская совесть вносит свет в сумятицу фактов; она помогает разместить их и сделать им надлежащую оценку. Эта оценка фактов (форма ее для меня безразлична) составляет несомненное и самое дорогое право современного писателя» [11, т. 16, кн. 1, с. 407].

Мотив потерянной совести определяет формирование нравственной идеологии сказочного цикла Салтыкова, проблематика которого связана с рождением и смертью человека, с тем, как он проживает тот временной промежуток бытия, называемый жизнью. О необходимости именно такого, синтетического взгляда на художественный мир писателя предупреждал еще русский филолог XIX в., академик А.Н. Пыпин: «...однажды он (Салтыков-Щедрин. – С.Ш.) вполне воспользовался архаической формой Езоповой басни, в своих „сказках“, где с удивительным мастерством рисовал своих зоологических героев и в их приключениях давал печальные эпизоды из жизни человеческого общества; но затем он покидал и сказку, и фантастический шарж, и давал простые реальные картины, удивлявшие глубоким знанием жизни и не раз наполнявшие читателя, среди смеха, негодованием и ужасом...» [9, с. 7]. «...Он шел одним неизменным путем, изображая жизнь, угнетаемую, по его (Салтыкова-Щедрина. – С.Ш.) выражению, “иглом безумия”, его сатира переходила в трагедию, и в глубине его мрачных картин светился вынесенный из юности и бережно сохраненный идеал добра, справедливости и просвещения» [Там же, с. 15–16].

Библиографический список

1. Бушмин А.С. Сказки Салтыкова-Щедрина. 2-е изд., дораб. Л., 1976.
2. Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. 14. Лекции по эстетике. Кн. 3. М., 1958.
3. Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / пер. с фр. М., 1999.
4. Кургинян М.С. Драма // Теория литературы: основные проблемы в историческом освещении. Т. 2. Роды и жанры литературы. М., 1964. С. 238–362.

5. *Погодина И.С.* Роман Д. Дефо «Странные и удивительные приключения Робинзона Крузо» – просветительский миф о человеке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 5. С. 222–228.
6. *Прозоров В.В.* М.Е. Салтыков-Щедрин: книга для учителя. М., 1988.
7. *Прозоров В.В.* Народно-поэтические афоризмы в творчестве Салтыкова-Щедрина // М.Е. Салтыков-Щедрин: pro et contra, антология: Книга первая / сост. С.Ф. Дмитренко. СПб., 2013. С. 745–766.
8. *Пропп В.Я.* Морфология волшебной сказки. М., 2001.
9. *Пыпин А.Н.* М.Е. Салтыков: Идеализм Салтыкова. Журнальная деятельность 1863–1864: Библиогр. заметка А.Н. Пыпина. СПб., 1899.
10. *Ранчин А.* Как один Пятница двух Робинзонов прокормил. О литературных подтекстах «Повести о том, как один мужик двух генералов прокормил» М.Е. Салтыкова-Щедрина // Литература. 2004. № 38. URL: <https://lit.lsept.ru/article.php?ID=200403803> (дата обращения: 10.05.2023).
11. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собрание сочинений: В 20 т. М., 1965–1974.
12. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Сказки. Л., 1988.
13. *Тимофеева Г.Ю.* Компоненты мифопоэтики и художественная модель мира в сказках М.Е. Салтыкова Щедрина // Начало: сборник работ молодых ученых. Вып. IV. М., 1998. С. 97–110.
14. Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / сост. Л.Г. Барар, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л., 1979.

References

1. Bushmin A.S. *Skazki Saltykova-Shchedrina [Tales of Saltykov-Shchedrin]*. 2nd ed. Leningrad, 1976.
2. Gegel G.V.F. *Sochineniya. T. 14. Lektsii po ehstetike [Compositions. Vol. 14. Lectures on aesthetics]*. Book 3. Moscow, 1958.
3. Gennep A., van. *Obyady perekhoda. Sistematicheskoe izuchenie obryadov [Rites of passage. Systematic study of rites]*. Transl. from French. Moscow, 1999.
4. Kurginyan M.S. *Drama. Teoriya literatury: osnovnyye problemy v istoricheskom osveshchenii*. Vol. 2. Moscow, 1964. Pp. 238–362. (In Rus.)
5. Pogodina I.S. D. Defoe's novel "The Strange and Wonderful Adventures of Robinson Crusoe" is an enlightening myth about man. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 2017. No. 5. Pp. 222–228. (In Rus.)
6. Prozorov V.V. М.Е. Saltykov-Shchedrin [Saltykov-Shchedrin]. Teacher's book. Moscow, 1988.
7. Prozorov V.V. Folk poetic aphorisms in the work of Saltykov-Shchedrin. *M.E. Saltykov-Shchedrin: pro et contra, antologiya: Kniga pervaya*. S.F. Dmitrenko (ed.). St. Petersburg, 2013. Pp. 745–766. (In Rus.)
8. Propp V.Ya. *Morfologiya volshebnoi skazki [Morphology of a fairy tale]*. Moscow, 2001.
9. Pypin A.N. М.Е. Saltykov Saltykov: Idealizm Saltykova. *Zhurnalnaya deyatel'nost' 1863–1864: Bibliogr. zametka A.N. Pypina [M.E. Saltykov: Saltykov's idealism. Journal activity 1863–1864: Bibliographic note by A.N. Pypina]*. St. Petersburg, 1899.
10. Ranchin A. How one Friday fed two Robinsons. On literary subtexts "The Tale of How One Man Fed Two Generals" by М.Е. Saltykov-Shchedrin. *Literatura*. 2004. No. 38. URL: <https://lit.lsept.ru/article.php?ID=200403803> (In Rus.)
11. Saltykov-Shchedrin M.E. *Sobranie sochineniy: V 20 t. [Collected works in 20 vols.]* Moscow, 1965–1974.
12. Saltykov-Shchedrin M.E. *Skazki [Fairy tales]*. Leningrad, 1988.
13. Timofeeva G.Yu. Components of mythopoeitics and the artistic model of the world in the fairy tales of М.Е. Saltykov Shchedrin. *Nachalo: sbornik rabot molodykh uchenykh*. Issue IV. Moscow, 1998. Pp. 97–110. (In Rus.)
14. Sravnitelnyi ukazatel' syuzhetov: Vostochnoslavjanskaya skazka [Comparative index of plots: Eastern Slavic fairy tale]. L.G. Barag, I.P. Berezovsky, K.P. Kabashnikov, N.V. Novikov (eds.). Leningrad, 1979.

Статья поступила в редакцию 20.06.2023, принята к публикации 25.07.2023
The article was received on 20.06.2023, accepted for publication 25.07.2023

Сведения об авторе / About the author

Шаврыгин Сергей Михайлович – доктор филологических наук; профессор кафедры филологии факультета лингвистики, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Sergey M. Shavrygin – ScD in Philology; Professor at the Department of Philology, Faculty of Linguistics, Moscow University for Industry and Finance "Synergy"

E-mail: sshavrygin@gmail.com